

Вестник
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

4

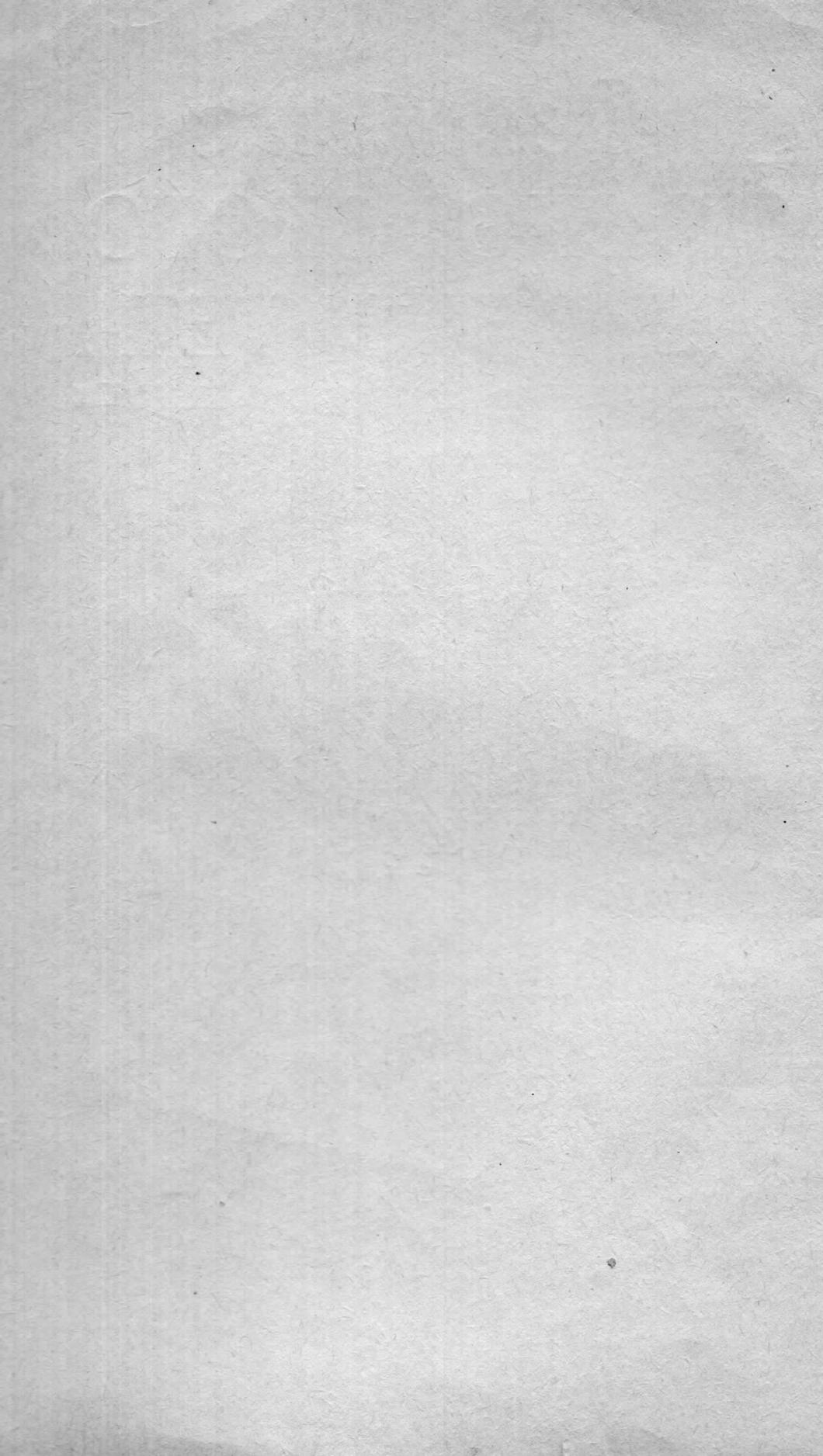
Отдельный оттиск

Николаев П.А.

Плеханов о Левитове: (по неопубликованным).

1 9 6 7

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 — 1967

Волгу Плехановке

с благодарностью

П. А. НИКОЛАЕВ

ПЛЕХАНОВ О ЛЕВИТОВЕ
(по неопубликованным материалам)

28.11.62 П. Николаев

В последние годы появились содержательные работы об историко-литературной концепции Г. В. Плеханова.

Но многие материалы остаются пока вне поля зрения исследователей.

В настоящей заметке речь идет об одном из случаев такого упущения.

В работах Плеханова мы не встретим имени А. И. Левитова. Только однажды, в статье «В. Г. Белинский», он указывает на «знаменательный» пример влияния Белинского на разночинцев 50—60-х годов (и Левитова в том числе)¹. Конечно, это не могло стимулировать поиски исследователями творчества Левитова соответствующих плехановских материалов, хотя уже давно появились основания предполагать, что Плеханов думал о специальной статье, посвященной писателю².

Это предположение укрепляет хранящееся в библиотеке Дома Плеханова (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) под шифром Д. 6282 «Собрание сочинений» А. И. Левитова (М., 1884) в двух томах с многочисленными заметками (на полях) Плеханова.

В VI сборнике «Литературного наследия Г. В. Плеханова» говорится, что «только I том снабжен отметками и заметками Плеханова»³. Но это ошибка. На полях второго тома имеется гораздо больше заметок. Они заслуживают описания и публикации.

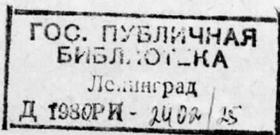
Некоторые из этих заметок могут быть восприняты в качестве историко-литературных рекомендаций, расширяющих и уточняющих наше представление о месте Левитова в литературе 60—70-х годов.

То, что Левитов — шестидесятник, сформировавшийся под влиянием критики Чернышевского и Добролюбова (тезис, давно ставший основным в научной и популярной литературе о писателе), подтверждают и плехановские заметки. На полях одного из рассказов («Девичий грешок», т. 2, стр. 505) обнаруживаем запись: «Стремление к правде, [от]-меченное Чернышевским у Н. В. Ус[пен]ского». Что Плеханов имеет в виду?

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X. М.—Пг., Госиздат, стр. 323.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. М., Соцэкгиз, 1938, стр. 239—240.

³ Там же, стр. 239.

Дом Плеханова

*№ 3140 - ОТТ
Инв. кн. №*

«Вот эти отступления, имеющие в виду начертить глубокую ложь пленительных декораций тех пейзажных местностей, из которых на потеху художественных душ выпрыгивают счастливые Иваны, скача и чудодействуя на разные манеры...».

На полях того же рассказа он конкретизирует свое понимание левитовской «правды без прикрас». Читая слова:

«Почти до такой же безнадежной степени была измучена и простая душа шедшей женщины. Уроженка описываемой местности, она самым лучшим образом знала, что люди, в силу веками созданных обычаев, за постигшее несчастье покروют ее нестираемым позором, нисколько не взирая на то, что несчастье это привели на ее молодую голову сами же обычаи».

Плеханов констатирует: «Жестокость среды идет рядом с темнотой» (стр. 507). Вот еще один вариант такой правды у Левитова: «Земля проклята в делах своих» (стр. 545). Выше идет запись: «„Звериная“ жизнь народа» (рассказ «Московский профиранец», т. 2, стр. 498).

Но Плеханов допускает возможность сопоставления Левитова с народнической литературой и народнической идеологией в целом; современные исследователи не учитывают эту возможность; для них проблематика произведений Левитова — полностью в пределах идеологии шестидесятников. Дело не только в том, что внимание Плеханова привлекают типы народников у Левитова (например, рассказ «Счастливые люди», т. 2, стр. 238, где Плеханов пишет: «Народник»), но и в более широких связях его произведений с литературным народничеством.

Левитов не стал народником, однако строки из неосуществленного романа «Говорящая обезьяна» —

«Отзовись! — говорил молодой человек, снимая со стены какой-то портрет и освещая его в одно и то же время и дружеской и какой-то особенно тонкой, саркастической улыбкой. — Здравствуй, брат, вечно трудившийся на других, вечно, как Филарет милостивый, отдававший всем все на том основании, что ведь «как же быть-то иначе? Ведь не умирать же человеку от каких-нибудь пустяков!» Не в моей бы галерее тебе, по-настоящему, висеть следовало, но ничего!»

побуждают Плеханова сказать: «Все это напоминает подобные писания у Златовратского» (т. 2, стр. 734). Попутно замечу: оказывается, довольно высокая оценка, которую Плеханов дал в своих статьях Златовратскому как одному из «беспристрастных исследователей нашей народной жизни»⁴, не исключала для критика „снижающих“ характеристик некоторых страниц этого „народника-классика“⁵.

Плеханов замечает, как в рассуждениях героя «Говорящей обезьяны» (этот его монолог вызвал у Плеханова ассоциацию с «писаниями» Златовратского), которому, несомненно, сочувствует Левитов⁶, возникают элементы народнических теорий. Правда, не сразу. Иногда герой симпатизирует такому человеческому поведению, в котором еще мало специфически народнического. Так, он вспоминает одного из своих прежних знакомых:

«Как водолаз, бесстрашно нырял он по самым мрачным столичным глубинам, где гнездились многообразные человеческие страдания, и много оттуда вытаскивал на божий свет. И теперь еще есть люди, которые с его легкой руки живут по-человечески и помнят его юность, которая спасла их».

По поводу этих слов Плеханов пишет: «Тут еще полная неопределенность стремлений, до настоящего народничества еще далеко» (т. 2, стр. 742). Но порой, ожесточаясь против некоторых принципов, герой

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 157.

⁵ Там же, стр. 173.

⁶ По свидетельству Златовратского, то, о чем говорится в монологе героя, было пережито самим Левитовым (Н. Н. Златовратский. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1956, стр. 296—297).

обнаруживает свою внутреннюю близость к собственно народническим воззрениям. Идеюную метаморфозу своего прежнего знакомого и ему подобных он характеризует следующим образом:

«...они настроют науку таким образом (да уж и довольно успели в этом), что она концом, венчающим ее усилия, будет считать возможность как можно удобнее и легальнее взмоститься на чужие, неученые плечи!»

Отсюда новая реплика Плеханова: «Вот эт[ого] и не хо[тят] народники» (т. 2, стр. 743).

Но, как известно, Плеханов широко смотрел на литературное народничество, видя в нем не только слабые стороны. Поэтому недостатки Левитова в иных случаях он мог замечать там, где писатель не поднимался до уровня лучших образцов народнической литературы. Естественно, речь должна была идти прежде всего о Г. Успенском, творчество которого, по Плеханову, было в рамках народнического направления. Сравнения Левитова с Г. Успенским встречаются у Плеханова не раз. Много из того, что начал Левитов, получило развитие у Г. Успенского — вот основной пафос замечаний Плеханова. Так, в связи с рассказом Левитова о студенте, занимавшемся просветительской деятельностью, Плеханов делает запись: «Зачаток т[емы]: интеллиген[ция] и народ, впоследствии х[орошо] разработ[анной] Г. [Ус]пенским» (рассказ «Девичий грешок», т. 2, стр. 509). Далее левитовские образы «просветителей» вызывают у Плеханова ассоциацию с Г. Успенским (очерк «Сказка и правда», т. 2, стр. 554; запись Плеханова: «[Про]светители. Ср. Г. Успенского»)⁷.

Разумеется, то, что Левитов был свободен от основных народнических доктрин, должно было определять иногда его преимущество перед Г. Успенским, и Плеханов, естественно, не мог этого не заметить. Видимо, не случайно, что ясно сформулированный тезис Левитова (по поводу «протеста» деревенских людей против поезда — очерк «Сказка и правда»):

«Но и этот протест, начавшись испуганным мычаньем и нелепым намерением остановить непобедимого богатыря, скача около самого его железного, пламенного носа, оканчивался всегда такою картиною, которая... отучала село от веры в сомнительные силы сказочных «водяных, леших» и приучала его к вере в правдивую науку, оживляющую пар и железо».

заставил Плеханова сделать вывод: «Г. Успенский говорит уже не так» (т. 2, стр. 557).

Но Г. Успенский, по мнению Плеханова, превосходит Левитова большей аналитичностью в художественном изображении народной жизни. На одной из страниц, особенно отличающихся описательностью, встречаем следующую плехановскую заметку: «Именно так он изображает жизнь, в которой плещутся Иваны. Успенский старается объяснить ее органически» (т. 2, стр. 504; подчеркнуто Плехановым).

Бесспорно, такого рода заметки ориентируют на более исследовательское отношение к творчеству Левитова, чем то, которое наблюдается чаще всего в современной литературе о писателе. Дело, конечно, не только в сопоставлениях Левитова с народнической литературой, а в принципиальном стремлении отыскивать связи произведений Левитова (хотя бы отдельных мотивов, элементов содержания) с литературой его времени (например, по поводу одного из левитовских персонажей, который «гордым и сильным шагом расхаживает по земле, защищая видимость, правду и опыт», Плеханов говорит: «Что ж, это Штольц» — очерк «Сказка и правда», т. 2, стр. 561).

⁷ О «просветительстве» у Левитова Плеханов говорит в т. 2, стр. 558, 559, 560.

Плехановские заметки выявляют многие черты индивидуального своеобразия Левитова как мыслителя и художника. Это прежде всего активность его идейной и нравственной позиции и как результат ее — лиризм левитовской прозы. «Точка зрения Левитова» — так оценивает Плеханов известную концовку рассказа «Расправа»:

«Грозный, как эта грозно царящая ночь, грядет некогда суд на людей и обстоятельства, которые заслепили столько глаз, не видящих чужого несчастья, которые притупили столько душ, не благоговевших теперь перед светлым лицом природы, перед этим вечным храмом истинного бога живого» (т. 1, стр. 256—257).

«Соб[ственная] характеристика», — замечает Плеханов в другом месте (рассказ «Московский профиранец», т. 2, стр. 496), что особенно интересно, поскольку по поводу рассуждений персонажа Плеханов здесь говорит: «Да это положительно психология революционера» (стр. 496). Его рассуждения таковы:

«Мне самому даже очень видны односторонность и ошибочность моего мышления, деятельность которого так долго возбуждалась все одним и одним, хотя и бесконечно широким, видом людских страданий; но тем не менее я вовсе не расположен исправлять эту ошибку моей мысли, потому что тот суровый мир, в котором она вращалась и вращается, без остатка выгнал из моего сердца все те злые движения, руководствуясь которыми, человек эгоистически около одного себя группирует как можно больше жизненных благ, увеличивая тем массу всеобщего зла».

Лирический элемент в рассказах Левитова столь велик, что не всегда легко отличить позицию героя от авторской. Понятно, что эти «крайности» лиризма не есть достоинство и порой могут вызвать недоуменные вопросы вроде плехановского: «Что это: перенесение собственной психологии на народ?» (т. 2, стр. 571). Воспроизводим авторский текст:

«Разреши, разреши! — молил Картузов. — Я не мудрствую... Один только у меня предел во всей жизни остался — пути Его... А с людьми не могу... Ничего я от них не добился, ничем: ни смиренством, ни любовной услугой... Помоги ты, отец, — неправде моей, — помолись за меня. Рвется у меня сердце, помимо воли моей, быть с ними око за око, зуб за зуб... Это злой дух искушает меня... Грешник я, грешник!..»

Но в принципе левитовский лиризм — явление замечательное в демократической прозе 60—70-х годов.

Плеханов очень симпатизирует личности Левитова. Его привлекает оптимистический взгляд писателя на будущее России (в этом оптимизме он видит левитовскую «любовь к родине» — т. 1, стр. СХХIX). Плеханов подчеркивает места, раскрывающие содержание гуманизма Левитова. «Сочувствие к страданиям» — такова запись на стр. 755 2-го тома. «С какой любовью он описывает всегда детские лица», — замечает Плеханов в другом месте (т. 2, стр. 497). При этом он с удовлетворением констатирует художественную полноценность тех мест в рассказах, где речь идет о детях: «Превосходно изображены детские годы» (рассказ «Дворянка», т. 1, стр. 272), «Прекрасная сцена» (повесть «Накануне Христова дня», т. 1, стр. 201, 202), «Поэтическое место» (там же, стр. 205).

В целом художественное мастерство Левитова оценивается Плехановым довольно высоко. Особым вниманием критика пользуются пейзажные зарисовки писателя, которыми, как мы знаем, Левитов выделяется в демократической прозе своего времени.

Известно, что шелгуновская теория «народного реализма» требовала социального содержания в художественных описаниях природы, и Левитов отвечал этим требованиям. Но «социологизаторство», которое чувствовалось в суждениях некоторых критиков об этой проблеме, ему было чуждо. В «социологизации» пейзажа у Левитова нет иллюстративности: он следовал классическим традициям. Писатель стремится «связать» человеческие и пейзажные мотивы, что вызывает такую плехановскую характеристику: «Горю людскому соответствует у него унылая

местность, хотя вообще он очень любит р[исо]вать природу яркими красками» (т. 2, стр. 506). Заключая в себе «человеческое» содержание, левитовский пейзаж вместе с тем выполняет вполне самостоятельную художественную функцию, т. е. остается правдивым изображением природы. Именно в этой своей завершенности и цельности пейзажные зарисовки в рассказах Левитова и обратили на себя внимание Плеханова (т. 1, стр. 43, 70, 249, 387, 427, 429, 430, 596).

Плехановым рассмотрены и другие элементы художественной формы левитовских рассказов, очерков и повестей (помимо указанных, некоторые композиционно-стилистические особенности). Поучителен, например, анализ построения рассказа «Девичий грешок» с его «запутанностью плана» (т. 2, стр. 512, 514—516). Точны характеристики иносказательной образности в очерке «Московские уличные картины» (ср. записи Плеханова: «Здесь олицетворение удачно» — т. 2, стр. 389, «Здесь удачно» — т. 2, стр. 392, «Тут олицетворение менее удачно» — т. 2, стр. 391). Подобные замечания (мы указываем, конечно, не все) помогают, хоть и в небольшой степени, почувствовать меру эстетической требовательности Плеханова. Специальный анализ соответствующих страниц левитовских сочинений, отмеченных Плехановым, непременно подтвердит это.

В целом заметки Плеханова расширяют наше представление об историко-литературных интересах и наблюдениях выдающегося марксистского теоретика искусства.

Исследователей же Левитова плехановские комментарии могут побудить к более широкому и точному выявлению идейно-художественного своеобразия творчества писателя и его места в литературе 60—70-х годов.

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 — 1967

НОВЫЕ КНИГИ

П. ЮШИН. ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА 1910—1923 ГОДОВ.

Изд-во МГУ, 1966, 320 стр.

Вышла новая книга о Сергее Есенине — первая часть монографии П. Ф. Юшина о творчестве поэта. Она охватывает большой отрезок времени — от начала поэтической деятельности Есенина в 1910 г. и до возвращения его из зарубежных поездок (1923 г.). Перед автором стояла задача немалой сложности: показать трудный, извилистый, противоречивый путь, каким шел поэт на разных этапах своей творческой биографии.

В первой же главе, содержащей обзор критической литературы о поэзии Есенина, П. Ф. Юшин определяет основную направленность своего труда и намечает важнейшие, наименее исследованные проблемы: связь лирики Есенина с литературным движением эпохи и значение его художественного опыта для развития советской поэзии. В освещении этих проблем книга вносит немало нового.

Автор не обходит сложных моментов и дает детальный анализ явлений общественно-литературной жизни и биографии поэта. Он привлекает многочисленные историко-литературные факты, а также новые, малоисследованные, почерпнутые из архивов материалы.

Пристальное внимание обращено на «противоречивость поэзии С. Есенина, прошедшего сложный путь от певца патриархальной, нищей, обездоленной России до певца России социалистической, России ленинской» (стр. 6).

В главе о начальной поре есенинской поэзии убедительно показаны ее истоки — природа и быт деревни, народно-поэтическая традиция, а не религиозные мотивы и образы, которые в то время не играли у Есенина определяющей роли.

Большая глава «Есенин и литературное движение 1915—1917 годов» определяет место молодого поэта в литературных кругах, раскрывает его взаимоотношения с С. Городецким, Н. Клюевым, Р. Ивановым-Разумником, их идейно-художественную близость, а также влияния, которым подвергнулся Есенин, но которые не смогли заглушить его самобытность. Национальные корни есенинской поэтики, реалистические основы его образности, восходящие к фольклору принципы построения образов-тропов раскрываются в главе «Поэтика дореволюционного Есенина», к сожалению, не столь обширной.

В главах о послереволюционном творчестве подробно прослеживается деятельность поэта в годы революции и гражданской войны, рас-

~~47~~ 862.

3140

и
-
-
а
-
-
о
ь
:
о
е
-
т
-
и
,
-
ы
е
а
»
о
-
м
.
о
-
к
-
-

~~15~~

~~H-63П~~

Отт.

3140

ИЧВ. КН. №2.